

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

**МЕТРО**

**2035**



## ГЛАВА 10.

### КРАСНОЕ

- Эй, парень! Тебе чего надо?

Артем посмотрел на того, кто спрашивал: малиновая звезда плавала в мути. Пожал плечами.

У арок косились усталые древки с увядшими красными знаменами. Арочные своды были чуть по человеческий рост обрезаны повешенными табличками: «Красная линия. Государственная граница».

- Иди давай. Хорошо паяться.

Офицер не спускал глаз с его рук. Красноармейцы за его спиной ждали команды.

Чего мне надо, спросил себя Артем.

Нельзя ему ни в коем случае: поднять руки и шагнуть вперед. Нельзя ему: идти за этим несчастным Умбахом туда, где Петру Сергеевичу сейчас будут кишки на палку накручивать. Нельзя признаться, что радист-диверсант, которого искали – не Умбах, а вот он, Артем. Потому что его, Артема не пустят к Умбаху все равно, а Артемовы кишки зато будут следующими.

Тогда что?

Тогда забыть про Умбаха, про слышанное им или не слышанное в туберкулезном московском эфире, про Гомера забыть, который там где-то, на Пушкинской, ждет его в петле, про Дитмара с его заданьем, про людей, которые вот сидят за его спиной сейчас и любят эту дрянью, и которых будут скоро резать в штыковой, попрощаться с малиновой звездочкой и пойти гуляючи к Новокузнецкой. А за его спиной пускай творится что угодно – на спине глаз нету.

А что там, на Новокузнецкой?

Ничего.

То же, что и на ВДНХ.

Пустота. Духота. Грибы. Такая жизнь, которую Артему положено тащить, не переча, пока не сдохнет. Сделать круг, вернуться к Ане. Когда-нибудь, по чужим мертвым документам.

Документы чужие, а жизнь своя будет – своя, Артемова, прежняя – черная, перекрученная и сухая, как сгоревшая спичка. Хочет он такую жизнь? Может он ее?

Ольга Айзенгберг сняла лиф. Прожектора, без рук Петра Сергеевича осиротелые, выцеливали ее неумело – слишком резко, слепя, отбрасывая на стены яркую черноту по Ольгиному контуру.

Труба играла слишком быстро, слишком тонко, тошнотворно, закручивала кишки, и под нее бился, крутился бешено женский силуэт на шесте, как на кол насаженный.

- Оглох? Вали давай!

А ведь Артем, пока Умбаха искал, пока шел сюда вместе с Гомером, забыл ненадолго, как это: когда идти некуда. Старик дал ему что-то. Направление хотя бы. Прости, дед.

Как тебя спасти? Сделать, как черт велит? Помочь ему резню устроить? И что, неужели тебя отпустят тогда? Не отпустят, дедуль.

Вот ведь выбор: что ни берешь, одна безнадега.

- А ну, общите этого!

Ноги сами сделали шаг назад. Ноги еще не решили ничего.

В зале заоборачивались, зашикали.

Кто-то отдыхающий, в железнодорожной форме – зацепился за Артема. Не Артема ли он на самом деле томительно ждал, скучно наблюдая за актриской, извивающейся на колу?

Если в другую сторону пойдешь, вперед, обратно не вернешься, знали ноги. Телу было рано умирать. А душе обратно в ту старую жизнь не могло.

Не хочу от нее детей, понял Артем. Понял просто и насовсем.

Что там, на ВДНХ? Там ничего. Там все, чем Артем не стал. И все, чем он лучше сдохнет, чем станет.

Умом заставил себя поднять руки – одна поползла чуть быстрее. Пот шел по вискам, затекал щелочью в глаза, щипал. Плыла в нем малиновая звезда.

Может, тебя не убили еще, Петр Сергеевич? А? Я ведь к тебе через полметра шел. Пришел вот. И теперь отсюда мне дальше некуда. Давай, тебя не убили?

- Имею информацию.

- Что ты там бормочешь?!

Артем чувствовал паучий взгляд из зала на себе – кожей. Поэтому повторил так же глухо:

- Имею важную информацию. О готовящейся диверсии. Со стороны Рейха. Хочу переговорить. С офицером. Госбезопасности.

- Не слышу!

Артем утер пот и сделал шаг вперед.

\* \* \*

Переход на Охотный ряд был длинный, нескончаемый, словно специально Артему тут построенный, чтобы он успел за этот переход передумать.

Снаружи у Красной линии граница была тонкая: ограждение переносное и пара снулых бойцов. Зато изнутри, где чужим не видно, шли укрепления в три полосы. Мешки, колючая проволока, пулеметы. Стволы у них в стену глядели, не внутрь и не наружу: не знали еще, с какой стороны будет наступать враг.

Краской по трафарету был обозначен на стенах сдвоенный профиль: толстощекие и лысеющие нахмуренные люди, страшно похожие, будто сбита чеканка на медали; один другого не то прикрывает, не то заслоняет. Братья Москвины, знал Артем. Тот, что на первом плане – Максим. Нынешний генсек. Тот, которого Максимом припечатали – прежний, скончавшийся.

С каждым шагом от Театральной порочную изломанную трубу Большого становилось слышно все хуже; потому что с обратной стороны, от Проспекта

Маркса, громче и громче несло по переходу – прямо в лоб – бравурное, маршевое, бодрое, многоголосое – производимое целым духовым оркестром. Оркестровый марш сшибался с томливой трубой уже там, где у перехода только начиналась вторая треть – и выбивал ее назад, в Театр.

Освещено было скверно, бедно: вдоль колючки только ров из света, а дальше сумрака налито, как киселя. До следующей колючки. Живых людей им по пути не встретилось, только смурная солдатня. Артем рвался вперед, хотел уже определиться с судьбой, а конвоиры не собирались спешить, у них с судьбой все было глухо.

Еле дотерпел до Проспекта Маркса – Охотного ряда. До самого последнего кордона, который выглядел так же, как и первый: хлипко, дунешь посильней – снесет. Остального от него видно не было, лестницей прятало, и поэтому казалось, что никому тут, на Красной линии, Театральная не сдалась.

А оркестр был самый настоящий – и стоял прямо на входе, у границы, и изо всех сил дудел, звенел, барабанил. От него против воли хотелось расправить плечи; и уж, конечно, никакая труба и никакие другие театральные звуки сквозь него пройти не могли.

Станция – уютная, домашняя, маленькая, как все первые станции метро, была наполнена народом одного цвета. Тут не грязно было, и вода с потолка не текла, и лампы горели; все пристойно, одним словом.

Но: в те секунды, когда оркестр замолкал на секунду, чтобы переменить один марш на другой, делался слышен второй голос станции. Непривычный: вместо гомона, который людям положен, на Охотном ряду стояло шуршание. Шуршали, озираясь, в витых очередях, где у каждого на ладони был записан номер, шуршали в подворотнях арок – за столиками, выполняя какую-то Артему непонятную волокиту, шуршали бабы и шуршали дети. И вдруг – пока барабаны и литавры переводили дух – станции переставало хватать света и чистоты. А потом оркестровый конвейер запускался снова, и выезжающее с него веселье снова подменяло станцию. Лампочки загорались ярче, губы у прохожих натягивались, а мрамор принимался блестеть.

Для настроения еще были лозунги – тоже трафаретные, печатные: «Перечеркнем Красной линией нищету, безграмотность, капитализм!», «Нет – ограблению бедноты! Да – всеобщему равенству!», «Их олигархи жрут грибы наших детей!», «Каждому – полную норму!» и «Ленин, Сталин, Москвин, Москвин». Лысый Ленин с усатым Сталиным были повешены на стену в золотых рамах в торце станции. Рядом стоял караул из бледных мальчишек в красных тряпочках на шее, лежали цветы: пластмассовые.

Артема, подконвойного, местные как будто и не замечали: у всех, мимо кого он шагал, как-то находились дела поинтересней; ни с одним он не смог встретиться глазами. Но стоило разминуться, как загривок начинало жечь – эти рассеянные взгляды тут же пучками собирались из их любопытных стекляшек.

Он шагал и договаривался с Петром Сергеевичем о том, чтобы тот еще чуть-чуть не умирал и не уезжал никуда, чтобы дотерпел до Артема. Времени всего прошло – час, шансы были.

КГБ сидел с изнанки станции: под полом, по которому топтались одноцветные граждане, имелся еще один этаж, низенький и никому не известный, и вход туда тоже был такой, как будто это шкаф – швабры с ведрами приткнуть куда-нибудь.

Но внутри – привычно все, как везде, как во всем мире – коридор масляно выкрашенный, по пояс зеленым, дальше белым, штукатурка от влаги буреет и пузырится, лампочки вечные болтаются, и вереница комнат.

Конвоир одну отпер, пхнул в нее Артема.

- Мне срочно! Срочное донесение!
- Донесения в армии, – подмигнули ему. – А сюда с доносами.

Пролязгали по ушам, по голым нервам засовом снаружи.

Посмотрел на соседей: женщина с тушевыми глазами и с вытравленной в желтое челкой, остальное в комочек на затылке собрано, и угрюмый малорослый мужик с белыми бровями и ресницами, остриженный как попало. Шкура у него была дубленая и загорелая, как у алкоголиков.

Умбаха в камере не было.

- Присаживайся, – сказала женщина. – В ногах правды нет.

Мужик сморкнулся.

Артем примерился к скамье и остался стоять, как будто от этого быстрее его бы приняли, выслушали и согласились отпустить радиста на все четыре стороны.

- Тоже думаешь, сейчас вот сразу разберутся, да? – вздохнула женщина. – Мы-то третий день тут вот так. И хорошо, может. Они тут разбираются так... Что лучше б и не разбирались.
- Помолчи, – простонал мужик. – Хоть сейчас бы ты помолчи.
- Сюда дядьку передо мной не приводили? – спросил Артем у нее. – С усами такого? – он руками показал, как бессильно свисали у Умбаха усы.
- Не было. И без усов не было. Одни кукуем. Друг друга вон грызем.

Мужик отвернулся к стене и с ненавистью заковырял ее ногтем.

- А ты что натворил-то?
- Ничего не творил. Дядьку вытащить надо.
- А дядька что сделал?

Артем посмотрел на ее телесные колготки, все в шрамах заштопанных, на ее руки – синяя кровь течет под кожей совсем близко, распирает. Глаза из-за черной каймы сперва кажутся большими и страстными, как в последний раз, а на самом деле – нет, обычные. Улыбка морщинистая. Морщины усталые.

- Дядька тоже ничего. Мы с Театральной вообще. Жили и жили себе.
- И как вам там, на Театральной? Хреново, небось? – она посочувствовала.
- Нормально.
- А нам тут говорят, вы друг друга доели почти уже. Врут, что ли?
- Юлька! Ну ты не дура? – окликнул ее мужик.
- Мы-то тут хорошо живем, – вспомнила Юлька. – Нам-то так, в принципе, и насрать, что у вас там, – она подумала, посомневалась. – За грибами-то подолгу стоите?
- Как – стоим?
- Ну вот в конец очереди встал. Каким номером будешь?

- Какая очередь? Деньги есть – купил.
- То есть – деньги? Купоны, что ли?
- У нас тут, – вмешался мужик, – не нужны деньги никакие. У нас кто работает, тот и ест. А не как у вас на вашей Театральной. У нас трудовой человек под защитой.
- Ладно, – сказал Артем.
- Жрите сами ваши деньги, – добавил мужик.
- Ну что ты, Андрюш, напал на него? – заступилась Юлька.
- Подсадили мурло какое-то, а ты ему и титьки еще покажи! – Андрюша харкнул под себя, но как бы и в Артема.
- А то вдруг тебе титьки мои зандобились, – улыбнулась она мужику.
- Я не провокатор, – сообщил сам себе Артем.
- Я вообще ничего не хочу знать, – сказал Андрюша. – Это все не мое дело.

Помолчали.

Артем прислонился ухом к двери. Было тихо.

Посмотрел на часы. Что там Дитмар? Верит ему еще? И сколько еще согласится верить?

- Вообще, что ль, очередей нет за грибами? – спросила Юлька. – А сколько в одни руки дают?
- На сколько денег хватит. Патронов, – на всякий случай объяснил Артем.
- Дела! – восхищенно сказала Юлька. – А если вдвоем прийти?
- Что?
- Тогда обоим дадут, сколько хватит?
- Ну да.
- Зажрались, бляди, – сказал Андрюша. – Ты думаешь, они чьи грибы жрут? Наши с тобой! У нас дети с голоду пухнут, а эти жируют!
- И ничего не пухнут! – испугалась Юлька. – У нас и детей-то нет.
- Я конфигурально. Образно, то есть, я.

Он уставился на Артема с тоской и чувством только что совершенной непоправимой ошибки; заливаясь багровым.

- Он не говорил такого, – попросила Юля Артема. – Хорошо?

Артем пожал плечами. Кивнул.

- За собой последи! – рявкнул Андрюша жене. – Манда! Не балаболила бы, были бы дома. А то тебя Ефимовы ничему не научили!
- Ефимовы-то ведь молчали, Андрюш, – прошептала та. – Их так взяли. Ни словечка никогда от них против... Против.
- Значит, было за что! Было, значит! – шепотом же крикнул он. – Как это – вот так, ни с того, ни с сего людей возьмут и... – он схаркнул. – И всю семью.
- Что – всю семью? – спросил Артем.
- А ничего! Что надо!
- Да я только что сказала-то? Что грибов не хватит на этот год. Что неурожай в совхозе, из-за хвори... Из-за гнили белой. Голодать будем. Ну это же так все! Я ведь это не из головы взяла! А они: клевета... Эта... Пропаганда...

- Кому сказала-то? Дура ты пиздливая! Дементьевой Светке сказала! Ты про Дементьевых не знаешь, что ли?
- У Дементьевых Дашка в консервном цеху стоит, она будто сама не понимает!
- Стоит и помалкивает, значит! Людей не за такое берут! Васильеву за что? Что «Господи, помилуй» перекрестилась! А Игоря вон из сто пятой за что забрали? На перекуре болтал, что на Черкизовскую люди пришли снаружи.
- Из какой снаружи? И что?
- Не из Москвы. Поверху откуда-то. Из другого, типа, города. И без химзы пришли якобы. Ну и что тут такого? В этом-то что? И ясно, что байка. Типа, всех этих иногородних до единого враз замели и тем же днем... – он чиркнул пальцем по горлу.
- Не показывай на себе! – испугалась Юлька.
- Байка, ну? Дурь ведь! Америкосы, га-андоны, все начисто нам снесли, это и дите малое знает, что одна Москва стоит. Какой еще город! А Игорька Зуева на следующий день выдернули. Юдин там слушал, а Юдин тоже... Пнем надо быть, чтобы при Юдине...
- Из какого города? – Артем подобрался. – Из какого города пришли? Эти, на Черкизовской?
- Ага, – сказал ему Андрюша. – Щас я тебе.

Артем оторвался от двери, шагнул к мужику, наклонился к нему.

- Но он ведь говорил? Говорил же? Игорь этот?
- И договорился.
- Скажи! Скажи, важно!
- Ты донос на дядьку своего еще не сдал! Куда столько загребаешь? – недобро усмехнулся Андрюша.
- Идиота ты кусок! Скажи просто! Откуда?! – Артем взял мужика за ворот, накрутил материю на кулаки, прижал к стене.
- Отстань от него! Отстань! – тонко сказала Юлька. – Он ничего, ничего он не знает! Охрана! Люди!
- Хрень это все.
- А если нет?!
- И что? И что, если нет?!
- Да все! Да тогда можно отсюда валить! Из этого метро!

Андрюша, приоторванный от пола, помотал головой. Скривил харю.

- Было б им так хорошо там, лезли бы они к нам?

Артем набрал духу – спорить – и не нашелся.

- Поставь меня. Поставь, где стоял, гнида, – сказал Андрюша.

Артем поставил. Отвернулся, ушел назад к двери.

Хотел упереться в нее лбом – а она раскрылась.

- С Театральной который. На выход!
- Зря, – сказал Артем Андрюше.
- Вот и спросишь у них сам, – харкнул тот.

- Вот, товарищ майор. Это который в диверсии.
- А браслеты? Пускай в браслетиках.

Щелкнули наручниками.

- Вот это, когда сами сознаются... Всегда надо в браслетах, – объяснил Артему товарищ майор, встречая на пороге. – Зови меня Глеб Иванович. А ты кто?

А Артем уже знал, что это Глеб Иванович. Голос его хриплый и низкий знал. И ботинки шнурованные.

- Колесников Федор.
- Как в паспорте, который ему Дитмар выдал.
- Ну докладывай, Федор.

Глеб Иванович был кряжистый, крепкий; мясной породы. Лобастая башка лысела, толстые губы румянились. Он был с Артема ростом – не очень, значит, высок; но шире вдвое, а здоровей – вчетверо. Гимнастерка на нем не сходилась, ворот был бычьей шее узок, и в брюках бугрилось.

Сам Глеб Иванович сел за стол, Артема оставил торчать.

- Вы не того взяли.
- Какого не того? – насторожился майор.
- Умбаха. На Театральной. Он не виноват ни в чем. Перепутали.
- А кого нужно было брать?
- Другого.
- А. Ага. И ты его пришел выручать?

Майор сразу заскучал.

- Он не диверсант никакой. Он инженер из театра, – сообщил Артем.
- Ну а признался, что диверсант.
- Так ведь... Наговорил он. Он наговорил на себя.
- Это уж его беда. У нас все подписано.

И что дальше?

Комната была просторная, но простая до строгости. На полу линолеум свертывается, в углу сейф серым кубом, стол разве вот богатый, трофейный – и сдвоенный профиль на стене. Все.

А нет, не все.

Что-то тикало еще. Артем оглянулся: сзади, над входом – висели часы. Недавно только им виденные – совсем в другом месте. Простые часы: стекляшка в синей пластмассе. На циферблате щит изображен, и в него воткнутый меч, и еще буквы в строчку – все заглавные, через дефис. «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ». Было без десяти минут десять.

- Спешешь куда, Федор? – спросил его майор. Ухмыльнулся. – Опаздываешь?
- Часы интересные.
- Часы что надо. И я вижу на этих часах, что меня ждут дела. У тебя все, Федор? Я бы с тобой попозже продолжил.
- Мне с ним надо переговорить.
- А вот этого никак не получится сделать. Он тебе кем приходится? Родственник? Или коллега?



- В чем он признался? Он не диверсант. Он на Рейхе и не был никогда. Это не его вы искали. Другого.

- Нет, Федор. Мы искали его. Петр Сергеича. И Рейх тут ни при чем. Вот, – майор помахал какой-то жирной бумажкой. – Ориентировка. Из центрального аппарата. Центральный аппарат ошибаться не может. Значит, это не за ним, не за Артемом, приходили? Умбах сам виноват?

- У тебя все? – Глеб Иваныч поднялся. – А то у меня на десять назначено. Он нагнулся к сейфу, поколдовал, скрипнул заслонкой; и вытащил черно-серый тусклый от царапин револьвер.

Тут Артем вспомнил, что именно у майора назначено.

- И что... Что теперь с ним будет, с Петром Сергеевичем? – спросил он пересохшим горлом.

- К высшей мере, – приговорил майор. – Ладно, Федор. Дождись завтра. Завтра с тобой будем еще разговаривать. Чувствую, разговор у нас некороткий выйдет. Что-то ты хочешь мне сказать, а мнешься. Надо тебя расшевелить как-то, а со временем сегодня, как назло, туго. Дела.

Он пошарил там же, в сейфе, достал из коробки пригоршню медных болванчиков, рассыпал их по столу. Выкинул у револьвера барабан, стал фаршировать его тупоголовой смертью. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. И еще осталось.

- Его нельзя стрелять! – крикнул Артем. – Умбаха!

- Почему?

- У него сведения... Он радист. И он знает что-то...

- Все, что он знает, знаем и мы, – успокоил его майор. – От нас секретов быть не может. Все. Иди, prospись. Тут меня... люди ждут.

Глеб Иваныч почесал, погладил себя по напряженному гульфику, потянулся сладко.

- Да вы представления не имеете! У него информация! Ценная... Он... – Артем укусил себя за губу, в последний раз взвесил. – Он выживших нашел! Связался! С другими! Понимаете? С другими выжившими! Не в Москве! – он заглянул майору в его широкое ровное лицо.

Ничего там не изменилось и не подвинулось.

- Херня какая.

Потом улыбка по губам тенью прошла. Глеб Иваныч рукой поправил волосы. Вид у него был мечтательный. Ждал он, ждал вечера, ждал десяти часов, и ждал того, что будет после – назначенного свидания с красивой своей сучкой в балетной пачке. Вот об этом ему хотелось думать.

Артем вскинул скованные руки.

- А если есть еще какие-то места, где можно жить? Если мы не должны, не обязаны тут в метро... До конца... А? И он – он! – может это знать!

Майор взвесил в руке револьвер, зажмурил глаз, поглядел на стол через мушку.

- Вот качество, – задумчиво произнес он. – Из него, наверное, сто лет назад еще расстреливали. А все равно... Надежней нагана машинки нет. Особенно для этого дела. Не заклинит, не перегреется.

- Ты что, не слушаешь меня?! – взбеленился Артем. – Или ты знаешь что-то?!
- Ладно, хватит. Конвой!
- Нет, не хватит! Если ты его расстреляешь сейчас, мы никогда, ничего... Никогда!
- Конвой, бля! – рявкнул майор двери.
- Никогда! Он – единственный, понимаешь ты? Больше никому не удавалось! Найти, связаться... Его нельзя убивать!
- Нельзя все-таки?
- Нельзя!
- Ценная информация?
- Да!
- Выжившие!
- Выжившие!
- Ладно, идем.

Майор схватил Артема ручищей за плечо, гидравлическим прессом, пнул дверь, вывел в коридор. Конвой подбегал, виноватый и испуганный, допыхивая самокрутку, но майор только сунул ему вороненый ствол в рыло и оттолкнул.

Вытащил из кармана связку ключей, позвенел ей у какой-то двери. Шваркнул ей, втолкнул Артема в камеру. Там сидели семь человек, бледные и потные.

- Умбах!
- Я.

Вислоусый Петр Сергеевич поднялся, глядя ищуще и беспокойно. Он весь был перемазан бурым, подсыхающим; переносица вскрылась, и рот щербился. Голову он чуть запрокидывал, чтобы из носа не текло.

То тень мелькнет через его лицо, то света пятно: чего ждать?

Майор вскинул револьвер к его лбу и сразу по ушам хряснуло, молотом врезало, и прыснуло мелким красным вокруг, на руку ему, на лицо, на гимнастерку. Умбах ослаб и сел на пол, стал как мешок с песком. Остальные бледные зажали уши, баба завизжала. Стена вся была в мокрых блестящих ошметках. Засунул голову в камеру тюремщик, ругнулся неслышно, что-то неслышно спросил. В ушах надрывно звенело.

Майор схватил Артема за плечо и выволок в коридор, хлопнул дверью. Зарычал сквозь звон.

- Кому нельзя? Мне? Мне нельзя? Сучонок ты мелкий! Мне – нельзя?!
- Тошнило, крутило.

Артем сглатывал, держал в себе. Выблюет – покажет слабость.

- Выводите расстрельных! Сколько можно! – крикнул еле-еле сквозь звон майор тюремщикам. – Сколько их там у нас?
- Семеро было с Умбахом.
- Как раз, значит, барабана хватит. И камеру замыть!

Майор сделал шаг и встал прямо у Артемовых глаз. Подбежавшим из караулки сказал:

- За мной его!

Вернулись в кабинет.

- Ты говоришь, не надо. Надо! Надо вас расстреливать. И прилюдно. Полезная штука – расстрел. А то каждый, блядь, думает, что он – главный герой, что это кино про него снято. А на, погляди, как люди мешками с говном становятся. Чик! И готово. И не будешь столько о себе воображать!

Он взял со стола ничейный патрон и сунул его Артему под нос.

- Гляди. Это для тебя. Хотел с тобой завтра разобраться без спешки. С бреднями с твоими. Но ты прям на рожон лезешь.

Выдернул барабан, загнал в него Артемов именной.

- Этого к остальным!
- Нет, – Артем замотал гудящей головой. – Нет!
- Пшел!
- Сегодня... Сейчас... Рейх... Будет... На Театральную...
- Пшел, тварь!
- Умбах... Он их агент. Был. Я должен был... Вытащить его. Отсюда. Я тоже... Тоже дивер... сант.
- Болтун ты...
- Стой. Стой. Все врал про радиста. Не убивайте. Я правда. Клянусь... Там сейчас две... группы. Минируют переходы.

Глеб Иваныч наконец повернулся к нему.

- Зачем?
- Будут Театральную брать.
- Ну?
- У них в туннелях стоят штурмовые бригады. Наготове. И две диверсионные группы на Театральной. Будут взрывать переходы к вам сюда. И когда отрежут Театральную... Через пять минут... Будут там.
- Умбах что? Зачем он?
- Он радист. Должен был сигнал к началу получить.
- А ты?
- Я при нем. Связной.
- Кто задание давал? Тебе – кто?
- Дитмар.
- Знакомы.

Майор окаменел. Часы над головой у Артема считали: ц-к, ц-к, ц-к. Такие же точно часы, как у ганзейского майора. Только окончание у аббревиатурной истории ВЧК было другое, преждевременное.

- Ну ведь ты тут. У нас. И Умбах у нас. Значит – они пока ждут. Сколько будут ждать?
- Должны были до окончания спектакля ударить. Если затянуть... Пошлют кого-нибудь проверить. И все равно рванут.

Ц-к. Ц-к. Брови у майора сползли.

- Остальных знаешь в лицо? Из тех двух групп?
- Знаю. Старших.
- Поможешь?

Он кивнул раз проржавело, натужно.

- Так быстро не успеем собрать людей... – сказал вслух майор. – Надо время потянуть. Надо потянуть время.

Хотел подсказать майору, но боялся: тот ведь нарочно сделает наоборот. Должен сам. Думай, думай, майор. Ну?!

- А если дезу им? Что группы уже нейтрализованы?
- Как? Не успеть.

Артему хотелось зажмуриться, спрятаться, запахнуть нутро, чтобы майор его намек, его мольбу не разгадал; но он заставил себя держать глаза выпученными, как будто он сам приглашал Глеба Иваныча в себя. И тот влез в Артема через зрачки, раскорябал роговицу, пообтер и испачкал там все мелкими брызгами Петра Сергеевича.

- Пароль, отклик для радиообмена есть у тебя? – в конце концов решил он.

Артем молча наклонил голову. Потом осторожно вернул ее обратно. Боялся спугнуть майорово решение – единственно Артему спасительное.

- Пошли.

Через коридор, мимо отпертой уже камеры, где стояли смертники, пялились в пол, в стены, словно спешили спрятать и сберечь свои души в кафельных швах, под линолеумными отворотами, проследовали в другую комнату, с надписью на двери: «Связь».

Стал по стойке «смирно» заморенный связист с заячьей губой. Стол с телефоном, зеленые ящики с тумблерами и стрелками, наушники.

Конвоир встал в дверях, Артема пинком пригласили к аппарату. Но до этого Глеб Иваныч снял телефонную трубку, попиликал кнопками.

- Алло. Это Свинолуп. Да, Свинолуп. Мне Анциферова.

Артем поплыл. Часы-близнецы наложились на дурацкую и нечастую фамилию. Не могло быть такого совпадения. Совпадения – не могло.

Тот был Борис Иванович. Этот – Глеб. Отчество одно. Похожи между собой они были мало. А все равно поверилось сразу, хоть и фантастика.

- Да, товарищ полковник. Тут деятель у меня сознался. Говорит, Рейх собирается Театральную брать. Сейчас прямо.

Голос. Голос Артем узнал – там, под сценой лежа, потому что голос у братьев был один на двоих. Слова они этим голосом произносили разные, и разные из них собирали предложения; и разные у них были мундиры, и часы у них в разных временах остановились. А голос все равно был один.

Глеб был, наверное, старшим. Казался старшим. А у Бориса, значит, служба быстрее шла. Как с ними это случилось, подумал Артем зачем-то. Вместо того, чтобы подумать, не лопнет ли белая нитка, по которой он собрался над пропастью идти. Как у них, у двух братьев, случилось оказаться в одном звании по разные линии фронта? Знают они друг о друге? Должны. Не могут не знать. Воюют? Ненавидят друг друга? Пытаются умертвить? Играют? Что?

- Даете добро? Есть. И как раз успеете тогда подкрепление нам... Да.

Согласен. Не мы это начали. И я тоже не вижу другого... Есть. Принято.

Артем ждал тихо, больше даже не думал, чтобы шумом мысли не спугнуть севшую ему на плечо волшебную жар-птицу, удачу. Один шанс был на тысячу.

- Частота какая?

Криворотый связист сел к радио; Артем выдал ему частоту. Пошли шерстить эфир. Наушники Артему водрузили на голову косо: один ухо прикрывает, другой к людям развернут.

- Антенны вы наверх вывели? – спросил он. – Как отсюда ловится?
- О своем лучше думай, – посоветовал ему Свинолуп. – О нашем.
- А вы... Вам никогда не удавалось... Другие города услышать?

Связист, будто это его спрашивали, покачал головой.

- Нет никаких других городов, пацан, – сказал майор. – Забудь.
- Но люди же приходят... Были ведь люди из других городов? Приходили в метро.
- Враки.
- А их устраняли. Ваши же.
- Тоже враки.
- И тех, кто об этом болтал...

Глеб Иванович сощурился. Постучал стволом по железному ящику.

- Не хера потому что вранье пересказывать! Сидим тут и сидим! Душу баламутить зачем людям? Пускай мечтают, о чем сказано мечтать. О том, что победим Ганзу, всех буржуев поставим к стенке и тогда будет в метро коммунизм. И грибов всем полная норма. Тут будет хорошо. Здесь. У нас. Родину любить нужно, понял? Где родился, там и пригодился.
- Я наверху родился.
- А сдохнешь снизу!

Свинолуп хлопнул его по плечу и гоготнул. Это была первая его шутка.

Из эфирной каши высунулся голос. Майор кивнул Артему, подвел дуло к его голове, поощряя, наставляя.

- Дитмар.
- Это сталкер.
- О! Сталкер. Ну как?
- Ландыши распустились.
- Значит, весна.

Ствол влез Артему в свободное ухо, холодный, железный. Прямо в слуховое отверстие. Волновался, хотел понять, не обманывают ли.

- А мне больше зима нравилась.
- Ну иди, прячься.

Пытался скоситься на Свинолупа – но револьвер не пустил. Надо бы было считать, но не получалось. Ствол, оцарапав, втиснулся в дырку; заткнул ухо.

- Что за херня? – через дуло в мозг проскрежетал ему майор.
- Отзываем операцию, – сказал Артем. – Дитмар, отзываем...

И тут – за один миг.

Грохнуло!!!

Подскочило все, потолок распался, ввалилась пылюга, повисла в воздухе, мигнул и исчез свет, все ослепло, оглохло.

Артем один этого ждал. Только этого и ждал он.

Нырнул вбок, скованными руками рванул за ствол и выдернул из ослабивших хватку толстых пальцев, отскочил вбок.

Проморгался свет.

Конвоир валялся на полу, придавленный бетоном. Свинолуп, посеченный каменной крошкой, кровотока, шарил вокруг. Связист так и сидел, не соображая, над своей аппаратурой.

Крики пробились через вату... Топот.

Свинолуп наконец увидел Артема.

- Руки! Руки!!!

Майор поднял их лениво. Глаза у него бегали. Искал уже, как подобраться к нему половчей.

- Встал! На выход! Живо! Ну?!

Наган сидел в руке неудобно, нехорошо, как чужой.

- Это чего такое было? – спросил у него Свинолуп, еле шевелясь.

Назло, скотина.

Артем потянул крючок: туго пошло. Курок отстал, замахнулся.

- Встал!!! Па-шшол!!!

- Это где рвануло?

Дожал: громыхнуло еще раз, но уже не так больно, как в камере, когда Умбаха убивали. Уши забились уже. Свинолуп взялся левой рукой за пятно на правом плече. Наконец послушался, встал. Перешагнул через конвоира, выглянул в коридор.

Там колупался еще один тюремщик пришибленный, дернулся было со своим автоматом, Артем наугад выстрелил ему куда-то в живот, пнул автомат в сторону.

- Ключи у кого?! Ключи от камер у кого?!

- У меня есть.

- Открывай! Открывай всех! Где тут этот... Который про выживших врал? Зуев! Где он?!

- Его нет. Услали на Лубянку. Запрос на него пришел. Нет его!

- Иди сюда. Сюда. Где моя камера? Это? Открывай!

Майор повозился с беззвучными ключами, отпер. Накрашенная Юлька и угрюмый харкун были живы-здоровы.

- Выходите! Бежим отсюда!

Свинолуп скривил рожу.

- Куда это еще? – спросил Андрюша.

- Куда?! На свободу отсюда!

- Да никуда они с тобой не побегут, – сказал Свинолуп.

- С Линии! Я вас вытащу отсюда!

Юлька молчала. Мужик похлопал припорошенными глазами. Соображал что-то и воздуху набирал. А потом – не закричал даже, а заорал.

- Отвали, мурло! Мурло, провокатор! Отвали! Мы никуда не пойдём! Мы тут живём! Тут!

- Усек? – спросил Свинолуп, ухмыляясь. – Вот к Родине-то любовь.

- Да вас к стенке поставят тут! Он и поставит! Этот же! Свинолуп!

- Иди на хер! Сядь, Юлька, что вскочила, как дура?!

- Правильно, – сказал Свинолуп. – Вот все правильно. А ты, сосунок...

Артем озверел.

- В камеру зашел! Зашел! Они тебя боятся! Ключи сюда! Бросай! Он никуда не денется отсюда, ясно? Все, вот он! Пойдем! Как тебя? Андрей. Я вас вытащу отсюда! Вытащу, ну? Быстрее! Времени нет!
- Мы не пойдем, – отказалась вслед за мужем Юлька.
- Дурак ты, Федор! – засмеялся Свинолуп. – Утырок зеленый... Это же кролики! Смирные! Куда они побегут?!
- Какие еще кролики?!
- Смирные! На, смотри!

Свинолуп задрал Юльке платье, сдернул с нее колготки штопаные вместе с трусами, показал рыжий пух. Та только спрятала рот в ладони.

- Ну?! – крикнул он в Андрюшу. – Ну?! Что стоишь?!

И ручищей своей сжал Юлькину дряблую задницу. В промежность ей сунул пятерню, взялся там.

- Что?! Стоишь?!

Андрюша лупился в пол.

- Говно! – Свинолуп дал ему пощечину левой – и свалил его этой одной пощечиной на пол. – Иди, говно! Беги! Хватай жену свою драную и беги! А?!

Андрюша отполз к скамейке, сел, взялся за щеку.

Юлька тихо выла. Тушь текла.

- Никто за тобой не пойдет!
- Врешь, паскуда. Врешь!

Кто-то бежал по коридору, бухал сапогами. Неужели подкрепление прибыло уже? Артем пальнул туда, в пыль. Там пригнулись, спрятались, или умерли по случайности.

Где тут смертники были?

Скакнул – нашел камеру. Дверь распахнута. Конвоя нет. Все стоят внутри. Шестеро. Две бабы и четверо мужчин.

- Бегите! Бежим! За мной! Вытащу вас!

Никто не верит. Никто не двинется.

- Вас же расстреливать... Вас к стенке всех! Ну?! Ну?! Чего боитесь? Что теряете?!

Ему даже не отвечали.

Покачиваясь, двигался к нему по коридору Свинолуп. Нюхал руку.

Улыбался.

- Кролики. Кро-олики. Эти разок попытались уже. Знают, чем кончится.
- Ты паскуда.
- Ты поди, все камеры открой. Давай, пацан. Освободи их. У тебя же вон – ключики, ствол. Ты хозяин же. А?
- Заткнись.

Свинолуп подошел вплотную – грязный, жуткий, кряжистый – и Артем сделал шаг от него, и еще один.

- Никто за тобой не пойдет. Свобода, блядь. Герой, блядь, освободитель.
- Он вас на расстрел вел! – крикнул Артем приговоренным. – Уже! Сейчас!
- А теперь простят, может? – пробубнил кто-то. – Ведь мы вот, мы никуда.

- Может! – поддержал Свинолуп. – Все может! Понял, ты, говно?! Ты понял?! Ты все понял?!

Артем выстрелил ему в грудь, в середину выстрелил этого человека, и пулька увязла в нем, и он отшатнулся, и опять засмеялся. Тогда Артем выдал ему еще одну пулю из чужого, неверного револьвера – в живот. Не мог выстрелить ему в лицо, в глаза не мог посмотреть Свинолупу. В его уверенные, наглые, хозяйские глаза.

Тот все же упал нехотя.

- Ну?! – повторил Артем смертникам. – Все! С ним все! Пошли!
- С этим-то все. Другие есть, – пробубнили ему. – Куда бежать-то тут? Некуда.

Сверху кричали, лаяли командами. Сейчас спустятся.

- Ну и оставайтесь! Вы! – заорал им Артем. – Ну идохните тут! Хотитедохнуть –дохните! Как говно!

Он сунул наган стволом в штаны, подобрал у подстреленного конвоира автомат, поискал ключики от наручников, но снять не успел – уже бежали навстречу. Полоснул из автомата, пробрался через коридор целым, вскарабкался по лестнице, выскочил в зал.

Там был дым, грязь, сутолока.

Оркестр продолжал греметь и веселить, как на «Титанике».

Мина рванула там, где Артем ее установил – в нижнем конце эскалатора, с обратной стороны заслонки, ровно над камерами. Но не завалило – наоборот, вырвало ворота, как он и надеялся.

Хорошо, станция неглубокая, сигнал пробился. Хорошо, Дитмар не доверился наемнику: мину вручил не с таймером, а радиоуправляемую.

Добрался до пролома, отпихнул копошащихся, белых от пыли спасателей – и рванул по ступеням вверх.

Кроме него, эта мысль тут никому в голову не пришла.

## **ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ**

[vk.com/metro2035](https://vk.com/metro2035)  
[metro2035.ru](http://metro2035.ru)